

<https://doi.org/10.18500/0320-961X-2021-20-14-34>.

Античный мир и археология. 2021. Вып. 20. С. 14–34.

Ancient World and Archaeology. 2021. No. 20. PP. 14–34.

<https://ama.sgu.ru/ru>

Научная статья

Article

УДК [94+930.2](38) | 652 | +929

РАННИЕ ИСТОРИКИ, МИФ И АРИСТОКРАТИЯ АНТИЧНОЙ ГРЕЦИИ*

И.Е. Суриков

Институт всеобщей истории Российской академии наук, 119334, Россия, г. Москва, Ленинский пр., 32а.

Суриков Игорь Евгеньевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологи РГГУ, isurikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2603-6146>.

Аннотация: вопрос о соотношении истории и мифа всегда был актуальным. История сосуществует с мифом, противоборствует ему и в то же время сотрудничает с ним. Главным предметом изысканий ранних греческих историков была генеалогическая мифография. Генеалогии же в античной Греции всегда в первую очередь интересовали аристократов. Именно на них прежде всего была рассчитана вся богатая мифографическая литература. Аристократы выступали в роли патронов для авторов, ведущих исследования их родословных. Кстати, те же аристократы патронировали и творчество вазописцев: ведь миф транслируется не только вербальными средствами, но и невербальными, например, визуальными.

Ключевые слова: раннее греческое историописание, миф, аристократия, генеалогия, Филаиды, Кодриды, Писистратиды, Гекатей, Гелланик, Ферекид Афинский.

Для цитирования: Суриков И.Е. Ранние историки, миф и аристократия античной Греции // Античный мир и археология. 2021. Вып. 20. С. 14–34. <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2021-20-14-34>.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

EARLY HISTORIANS, MYTH AND THE ARISTOCRACY OF ANCIENT GREECE

I.E. Surikov

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119334 Russia.

Surikov Igor Evgenievich, isurikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2603-6146>.

---

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках исследовательского проекта 19-09-00022а «Праотцы истории»: древнейшие представители античной исторической науки».

Abstract: the problem of correlation between history and myth was always a matter of actuality. History coexists with myth, opposes it, and in the same time collaborates with it. The main subject of early Greek historians' studies was genealogical mythography. And genealogies in Ancient Greece were always of interest firstly for aristocrats. It is mainly for them that all abundant mythographic literature existed. Aristocrats played the role of patrons for the authors who investigated their family trees. By the way, the same aristocrats patronized the work of vase-painters, too: for myth is translated not only by verbal means, but also by nonverbal (*e.g.* visual) ones.

Keywords: early Greek historical writing, myth, aristocracy, genealogy, the Philaids, the Codrids, the Pisistratids, Hecataeus, Hellanicus, Pherecydes of Athens.

For citation: Surikov I.E. Early Historians, Myth and the Aristocracy of Ancient Greece. *Ancient World and Archaeology*. 2021. No. 20. Pp. 14–34 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2021-20-14-34>.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

«Миф и история» (в каком бы из двух смыслов не брать здесь термин «история» – как саму событийность или как дискурс об этой событийности, то есть историографию) – это, очевидно, «вечная проблема», чрезвычайно значимая и актуальная применительно едва ли не к любой эпохе¹. История сосуществует с мифом, противоборствует ему и в то же время сотрудничает с ним. Начнем статью с цитирования знаменитейшего фрагмента Гекатея Милетского, одного из самых ранних представителей древнегреческой исторической мысли (работал в последней четверти VI в. до н.э.) и, как его часто характеризуют, главного предшественника Геродота². Этот фрагмент (Hecat. FGrHist. 1.F1) представляет собой хронологически первое в античной (и всей европейской) историографии теоретическое суждение общего характера,

---

¹ См. несколько взятых почти наугад примеров самого разнообразного характера: *Pretzler M.* Myth and History at Tegea – Local Tradition and Community Identity // *Defining Ancient Arkadia: Symposium, April, 1–4 1998* / T.H. Nielsen, J. Roy (eds.). Copenhagen, 1999. P. 89–129; *Bridgman T.P.* Hyperboreans: Myth and History in Celtic-Hellenic Contacts. N.Y.; L., 2005; *Saïd S.* Myth and Historiography // *A Companion to Greek and Roman Historiography* / J. Marincola (ed.). Vol. 1. Oxf., 2007. P. 76–88; *Classen A.* The *Nibelungenlied* – Myth and History: A Middle High German Epic Poem at the Crossroads of Past and Present, Despair and Hope // *Epic and History* / D. Konstan, K.A. Raaflaub (eds.). Oxf., 2010. P. 262–279.

² Специально о Гекатее см.: *West S.* Herodotus' Portrait of Hecataeus // *JHS*. 1991. Vol. 111. P. 144–160; *Hansen M.H.* Hekataios' Use of the Word *Polis* in his *Periegesis* // *Yet More Studies in the Ancient Greek Polis* / T.H. Nielsen (ed.). Stuttgart, 1997. P. 17–27; *Armayer O.K.* Herodotus, Hecataeus and the Persian Wars // *The World of Herodotus* / V. Karageorghis, I. Taifacos (eds.). Nicosia, 2004. P. 321–335; *Braun T.* Hecataeus' Knowledge of the Western Mediterranean // *Greek Identity in the Western Mediterranean: Studies in Honour of B. Shefton* / K. Lomas (ed.). Leiden; Boston, 2004. P. 287–347; *Bertelli L.* Hecataeus: From Genealogy to Historiography // *The Historian's Craft in the Age of Herodotus* / N. Luraghi (ed.). Oxf., 2007. P. 67–94. *Alganza Roldán M.* Hecateo de Mileto, “historiador” y “mitógrafo” // *Florentia iliberritana*. 2012. Vol. 23. P. 23–44.

которое дает чрезвычайно много для понимания специфики эллинского подхода к истории³.

Ἐκαταῖος Μιλήσιος ὧδε μυθεῖται τάδε γράφω, ὡς μοι δοκεῖ ἀληθέα εἶναι· οἱ γὰρ Ἑλλήνων λόγοι πολλοὶ τε καὶ γελοῖοι, ὡς ἐμοὶ φαίνονται, εἰσίν.

«Гекатей Милетский говорит так: я пишу нижеследующее, как мне представляется истинным; ведь сказания эллинов и многочисленны, и смехотворны – такими они мне кажутся».

Обратим внимание на одну парадоксальную черту данного высказывания Гекатея. «Говорит» в начале фрагмента – это греческое *μυθεῖται*, а вот упоминающиеся далее в критическом аспекте «сказания» – *λόγοι*. Здесь перед нами какая-то полная инверсия устоявшихся в науке представлений о пути эволюции древнегреческой мысли как поступательном нарастании ее рационализма. Такое направление этой эволюции часто обозначают (и у нас, и на Западе) формулой «от мифа к логосу»⁴. А тут мы имеем, по сути, противоположную картину: «от логоса к мифу» (ведь *μυθεομαι*, конечно же, от *μῦθος*). Вопрос настоятельно нуждается в дальнейшем исследовании.

В рамках традиционной концепции *μῦθος* – миф, а *λόγος* – уже история; появление последней часто связывается с Геродотом, тем более что его труд принято делить на так называемые логосы (египетский логос, скифский логос, лидийский логос и пр.)⁵. Геродот действительно до некоторой степени разграничивает «время мифа» и «время истории», чего, кстати, нельзя сказать о Фукидиде⁶. А вот у более древних по сравнению с Геродотом историков, к которым принадлежал и вышеупомянутый Гекатей⁷, между этими двумя категориями не существ-

---

³ Детальнейший комментарий к этому пассажиру см.: *Fowler R.L. Early Greek Mythography. II. Commentary. Oxf., 2013. P. 677–680.*

⁴ Название известной книги Вильгельма Нестле: *Nestle W. Vom Mythos zum Logos: Die Selbstenfaltung des griechischen Denkens von Homer bis auf die Sophistik und Sokrates. Aalen, 1966.* Формулировка эта стала чрезвычайно популярной, использовалась потом и в заглавиях других работ, например: *Кесиди Ф.Х. От мифа к логосу (Становление греческой философии). М., 1972.*

⁵ См. хотя бы: *Mills S.J.V. The Lydian Logos of Herodotus 1. 50–2 // G&R. 2014. Vol. 61. No. 2. P. 147–151; Ellis A. A Socratic History: Theology in Xenophon's Rewriting of Herodotus' Croesus Logos // JHS. 2016. Vol. 136. P. 73–91; Zali V. Herodotus Mapping out his Genre: The Interaction of Myth and Geography in the Libyan Logos // Herodotus – Narrator, Scientist, Historian / E. Bowie (ed.). Berlin; Boston, 2018. P. 125–138; Xanthou M.G. Χρυσός, χρόνος, and κλέος: Objects of Gold, Cognition, Ambiguity, and Authority in Herodotus' Lydian Logos // Herodotus – Narrator... P. 243–264.*

⁶ См. сравнение пассажей о талассократии Миноса Критского, принадлежащих Геродоту (Hdt. III.122) и Фукидиду (Thuc. I.4): *Суриков И.Е. Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011. С. 398–399.*

⁷ Эти древнейшие историки, к сожалению, весьма редко становятся предметом исследования в специальной литературе. Важнейшие общие работы о них: *Pearson L. Early Ionian Historians. Westport, 1975; Fowler R.L. Op.cit.*

вовало принципиального различия. У них легендарно-мифологическая традиция «воспринималась и трактовалась как историческая»⁸.

Гекатей имеет устойчивую репутацию первого рационалистического критика мифов среди древнегреческих «служителей Клио». Он, например, считал Кербера не адским трехголовым псом, а просто большой змеей (Hecat. FGrHist. 1.F27), побежденного Гераклом Герiona – не чудовищным великаном, живущим на дальнем западе, а каким-то эпирским правителем (Hecat. FGrHist. 1.F26). Впрочем, рационализм Гекатея имел свои границы, о чем еще пойдет речь далее. А пока отметим, что в цитированном выше пассаже этот автор отвергает рассказы своих предшественников, мифографов (таких, как Акусилей Аргосский, Ферекид Сиросский), поскольку для него они смехотворны по своей неправдоподобности, и противопоставляет им свой нарратив как основанный на разумных началах. Но терминология, которой он при этом пользуется, отнюдь не совпадает с той, которая привычна для нас и потому даже неожиданна: измышления мифографов обозначаются лексемой «логос», а применительно к себе историк употребляет глагол, производный от термина «миф». Стало быть, повторим и подчеркнем, получается «от логоса к мифу».

Этот экскурс заставляет задуматься, но вернемся к основной нити изложения. Гекатей отнюдь не отвергал мифологию как таковую, и чудесное, сверхъестественное из его мира не было исключено (см., например, Hecat. FGrHist. 1.F15 – собака рождает пень; 1.F17 – золотунный баран, спасающий Фрикса и Геллу, оказывается говорящим). Ни в малейшей мере не сомневался он в существовании богов, – более того, возводил собственную родословную в шестнадцатом поколении к богу (см. известнейший фрагмент: 1.F300 = Hdt. II.143–145; Геродот высмеивает милетского коллегу за подобные взгляды).

Слово «родословная» появилась здесь в высшей степени закономерно. Именно генеалогия была самым главным предметом изыска и Гекатея, и других представителей исторической мысли догеродотовых поколений, таких, например, как Ферекид Афинский, работавший во второй четверти V в. до н.э. Этого последнего⁹ не следует путать с упоминавшимся выше Ферекидом Сиросским – автором более ранним, датирующимся примерно серединой VI в. до н.э. Генеалогии же в античной Греции всегда в первую очередь интересовали

---

⁸ Видаль-Накэ П. Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001. С. 228. Ср. ту же мысль в: Nilsson M.P. Cults, Myths, Oracles, and Politics in Ancient Greece. Lund, 1951. P. 12; Starr C.G. The Origins of Greek Civilization 1100–650 B.C. L., 1962. P. 68; Fowler R.L. Op.cit. P. XII.

⁹ О Ферекиде Афинском, одном из наименее изученных среди древнегреческих историков, см. наши статьи (со ссылками на предшествующую литературу о нем): Суриков И.Е. Ферекид Афинский – представитель «догеродотовского» этапа античного греческого историописания // Аристей. 2019. Т. 20. С. 114–142; он же. Сочинение Ферекида Афинского в контексте раннеклассического греческого историописания // ВДИ. 2020. № 3 (80). С. 609–632.

представителей знати¹⁰ (к каковым, необходимо отметить, принадлежали по большей части и сами ранние историки). Аристократы были в числе важнейших творцов генеалогических мифов и их, так сказать, потребителей. Именно на них, прежде всего, была рассчитана вся богатая мифографическая литература, начиная с Гомера¹¹ и Гесиода.

Говоря о последнем, упомянем приписывавшуюся беотийскому аэду (и, возможно, действительно ему принадлежавшую) генеалогическую поэму «Каталог женщин, или Эои». Этот текст пользовался очень большой популярностью, у него затем появился расширенный вариант «Великие Эои», уже совершенно точно не гесиодовский¹². Гесиодовская генеалогическая традиция, несомненно, способствовала складыванию у элинов прозаической мифографии, начиная со второй половины VI в. до н.э.¹³ Историки первых генераций являлись преимущественно мифографами-генеалогами; они работали на аристократов, которые участвовали в процессе мифотворчества не только непосредственно, но и выступая в роли патронов для авторов, ведущих исследования их родословных. В частности, справедливо отмечалось, что для Ферекида Афинского такими патронами были Кимон и другие представители рода Филаидов¹⁴.

Кстати, те же аристократы патронировали и творчество вазописцев¹⁵. Здесь самое время оговорить, что миф транслируется не только

---

¹⁰ Это, в общем-то, справедливо отмечается в книге: *Duplouy A. Le prestige des élites: Recherches sur les modes de reconnaissance sociale en Grèce entre les Xe et Ve siècles avant J.-C. P.*, 2006. Однако для названной книги характерна распространенная ныне тенденция отказываться от понятия «аристократия», подменяя его понятием «элита». Это контрпродуктивно, поскольку два данных термина отнюдь не являются полными синонимами. Категория «элиты» вполне имеет право на существование, но ее недопустимо отождествлять с категорией «аристократии». Аристократия – один конкретный вид элиты общества, и единственно эффективным подходом будет не отрицать или затушевывать его наличие, а пытаться понять, в чем ключевая специфика именно этого вида в сравнении с другими.

¹¹ Мир Гомера (о нем и поныне не утратил своего значения классический труд: *Finley M.I. The World of Odysseus. N.Y.*, 1965; на русском языке см. прежде всего: *Андреев Ю.В. Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI–VIII вв. до н.э. СПб.*, 2004) – это мир сугубо аристократический, с чем согласны все исследователи.

¹² См. об этих поэмах коллективный труд: *The Hesiodic Catalogue of Women: Constructions and Reconstructions / R. Hunter (ed.). Cambr.*, 2005.

¹³ *Fowler R.L. Op. cit. P. XIV–XVI.*

¹⁴ *Davies J.K. Athenian Propertied Families 600–300 B.C. Oxf.*, 1971. P. 293 ff.; *Frost F.J. Faith, Authority, and History in Early Athens // Religion and Power in the Ancient Greek World / P. Hellström, B. Alroth (eds.). Uppsala*, 1996. P. 87.

¹⁵ О такого рода патронаже см., напр.: *Crowther C. The Dionysia at Iasos: Its Artists, Patrons, and Audience // The Greek Theatre and Festivals: Documentary Studies / P. Wilson (ed.). Oxf.*, 2007. P. 294–334. Один из конкретных его примеров (с Писистратом) будет рассмотрен нами ниже.

вербальными средствами, но и невербальными, например, визуальными. В частности, греческая расписная керамика была одним из важных каналов такой трансляции¹⁶. Эллинские вазы каждый видел в витринах музеев, но далеко не все пристально всматривались в изображения на них, а если всмотреться – то обнаруживается, что практически каждый сосуд расписан не «просто так», а пропагандирует какую-либо аристократическую генеалогическую идею по заказу, сделанному мастеру его знатым патроном. Этот вопрос неоднократно рассматривался в искусствоведческой литературе; так, столь маститый исследователь, как Дж. Бордмэн, посвятил целую серию работ¹⁷ анализу в данном ракурсе темы «Геракл и Писистрат», к которой нам еще предстоит обратиться.

* * *

В любом обществе элита стремится отделить себя от массы общинников, поднять себя над ней, подчеркивая свой более высокий статус. Миф становится мощным механизмом такого возвышения, преимущественно в ранних обществах, в которых элита в материальном плане еще не имеет возможности блистать какой-то особенной роскошью. Если взять, например, гомеровское общество, неоднократно подчеркивалось (см. хотя бы упоминавшиеся выше монографии М. Финли, Ю.В. Андреева), что повседневный быт высокородных героев «Илиады» и «Одиссеи» весьма скуден, а в то же время среди их низкостатусных вассалов и даже слуг есть не менее преуспевающие. На Итаке отец Одиссея Лаэрт, бывший царь (!), живет едва ли не в худших условиях, нежели свинопас Евмей.

Чем же на этом фоне может и должен «маркировать» себя аристократ? Единственно критерием происхождения: он, дескать, в отличие от «Иванов, родства не помнящих», прекрасно знает свою родословную до десятого поколения и больше, возводит себя напрямую к мифологическим героям и через них к богам, причем может в деталях продемонстрировать всю цепочку лиц, связывающую его с ними. Когда Гекатей называл себя потомком бога в шестнадцатом поколении (см. выше), не приходится сомневаться, что при необходимости он мог бы дать полный перечень имен своих предков во всех этих поколениях (другой вопрос, насколько этот перечень был бы аутентичным).

---

¹⁶ Эта тема особенно часто рассматривалась применительно к мифам о Тесее и их репрезентации в вазописной традиции: *Calame C. Thésée et l'imaginaire athénien: Légende et culte en Grèce antique*. Lausanne, 1990; *Walker H.J. Theseus and Athens*. Oxf., 1995; *Mills S.J.V. Theseus, Tragedy and the Athenian Empire*. Oxf., 1997.

¹⁷ *Boardman J. Herakles, Peisistratos, and Sons // Revue archéologique*. 1972. № 1. P. 57–72; *idem. Herakles, Peisistratos, and Eleusis // JHS*. 1975. Vol. 95. P. 1–12; *idem. Herakles, Peisistratos, and the Unconvinced // JHS*. 1989. Vol. 109. P. 158–159.

Кстати, именно на счете поколений базировалась генеалогическая хронология¹⁸, использовавшаяся в трудах древнейших историков, да даже еще и в истории Геродота. Только в последней четверти V в. до н.э. Гелланик Лесбосский осознал слабые места этой хронологической системы (она не позволяла давать сколько-нибудь точных датировок событий) и взамен нее разработал в своих поздних трудах (в «Жрицах Геры, что в Аргосе» и затем в «Аттиде») эпонимную хронологию, представлявшую воистину новый этап в эллинских хронографических изысканиях¹⁹. Новшество Гелланика заключалось в том, что он начал проводить синхронизацию эпонимных магистратов различных государств греческого мира, а в качестве «камертона» для такой синхронизации выбрал список верховных жриц аргосского Герайона, ведущийся со времен незапамятных (в ранней своей части, естественно, полуполюгендарный). Так он поступал в «Жрицах Геры», а в «Аттиде» пользовался списком афинских архонтов-эпонимов (Hellan. FGrHist. 4.F171; F172).

Мифология воспринималась греками, повторим и подчеркнем, как их собственная древняя история²⁰. Мифы о древнегреческой аристократии творились, кажется, всегда. А если выразаться более строго, то начало этого процесса приходится на гомеровские, если не более ранние, времена, о конце же говорить пока нельзя, ибо процесс подобного мифотворчества продолжается и поныне, уже в современной историографии античности. Представителями этой последней, например, выработан взгляд на древнегреческую (в частности, афинскую) аристократию как «родовую аристократию». Данным выражением пользуются постоянно, оно неоднократно встречалось автору этих строк и в учебниках, и в монографиях, и в статьях, и в популярных работах. Оно стало хрестоматийным – а в то же время представляет собой, в сущности, историографический миф.

И действительно, как понимать словосочетание «родовая аристократия»? Оно вроде бы предполагает существование некоего родоплеменного общества. Однако было ли таковое в Греции I тыс. до н.э., даже если брать самые ранние периоды этого хронологического отрезка – «Темные века» и архаику? На этот вопрос приходится дать однозначно отрицательный ответ. Уже во II тыс. до н.э., в крито-

---

¹⁸ О ней см.: *Prakken D.W.* Studies in Greek Genealogical Chronology. Lancaster, 1943.

¹⁹ Об этом важнейшем нововведении Гелланика см.: *Möller A.* The Beginnings of Chronography: Hellenic 'Hieretia' // *The Historian's Craft in the Age of Herodotus* / N. Luraghi (ed.). Oxf., P. 241–262.

²⁰ И в этом они, заметим, были не так уж не правы. Героическая эпоха, как ее представляли греки, в целом соответствует II тысячелетию до н.э. И в литературе неоднократно отмечалось, что в их мифах действительно находят отражение вполне реальные, исторические события II тысячелетия до н.э. См.: *Гиндин Л.А., Цымбурский В.А.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996; *Молчанов А.А.* Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н.э. (проблемы источниковедения минойстики и микенологии). М., 2000.

микенскую эпоху, в эллинском мире налицо развитая государственность в форме «дворцовых царств». Да, эти царства в конце концов пали – произошло ли это в результате «дорийского вторжения», или «системного коллапса», или чего бы то ни было – а трактовки причин катастрофы в высшей степени разнообразны. Но для нас сейчас важно не это, а другое: общество, безусловно, приобрело на какое-то время более упрощенный характер, но все-таки не до такой же степени оно упростилось, чтобы можно было вести речь о возвращении родоплеменных структур, уже ушедших в небытие. Подобного просто не бывает: то, что умерло, не может воскреснуть.

Таким образом, нам представляется совершенно несомненным, что греческие аристократические роды архаического и классического периодов (Алкмеониды, Филаиды, Керики, Этеобутады и др.) представляли собой вторичные образования, восходящие отнюдь не к первобытности, не к догосударственному времени, а к раннему железному веку²¹. Они не имеют никакого прямого отношения к, так сказать, первичным родам, которые существовали в первобытном родоплеменном обществе, описанном (на примере прокезов) Л.Г. Морганом, Ф. Энгельсом и др. Вряд ли возможно спорить с тем, что уже греческая община II тыс. до н.э. являлась не родовой, а соседской общиной.

Собственно, доказывать столь очевидные вещи о древнегреческих родах приходится только в отечественной историографии античности, которая в силу ряда объективных причин отличается некоторой отсталостью, недостаточным учетом (а то и незнанием) многих положений, которые уже прочно утвердились в западной науке²². Так и тут: уже в 1970-х гг. чрезвычайно мощно прозвучала аргументация двух французских ученых – Ф. Буррио и Д. Русселя²³ – в пользу тезиса о вторичном характере древнегреческих родов. В результате тезис этот был принят практически всеми специалистами, а если кто-то и пытался возражать против него²⁴, контрдоводы оказывались слабыми и неубедительными.

---

²¹ Детальнее мы развиваем тезис о древнегреческих знатных родах как вторичных структурах в: Суриков И.Е. Семья и род как феномены культуры в античности: древнегреческие ΟΙΚΟΣ и ΓΕΝΟΣ в сравнении с римскими FAMILIA и GENS // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 7 (40). С. 126–140.

²² Достаточно указать на то, что у нас в работах 1990-х и даже 2000-х гг. можно встретить утверждения о монетной чеканке в солонвских и чуть ли не досолонвских Афинах, в то время как давно уже установленным фактом является выпуск первых афинских монет никак не ранее середины VI в. до н.э. (а, скорее всего, еще позже).

²³ Bourriot F. Recherches sur la nature du genos: Étude d'histoire sociale athénienne. Periodes archaïque et classique. Lille; P., 1976; Roussel D. Tribu et cité. Études sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique. P., 1976.

²⁴ Как, напр.: Littman R.J. Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C. N.Y., 1990.

В высшей степени характерен уже сам факт, что в афинском, например обществе, в отличие от ирокезского и даже римского, система родов охватывала *только* среду аристократии. Следующим, более высоким уровнем общественного деления после рода была фратрия²⁵. Крайне важно, что члены любой фратрии делились на две категории. К первой принадлежали геннеты (члены родов), ко второй оргеоны, членами родов не являвшиеся. Этот нюанс отмечают античные лексикографы²⁶. Сущность института фратрии хорошо объясняет «теория пирамид», предложенная еще в 1960-х гг. У.Дж. Форрестом²⁷, приобретающая, без преувеличения, весьма большую влияние и глубоко импонирующая нам.

Аристократическому обществу (а ведь именно таковое было характерно для Греции периода архаики) было свойственно, замечает Форрест²⁸, не столько «горизонтальное» деление социума на классы (тут ощущается полемика с марксизмом), сколько «вертикальное» деление: происходила организация по «пирамидам» – группам, возглавлявшимся лидерами-аристократами и включавшим в себя лиц из самых разных социальных слоев (относительно высоких, средних, низших). Именно такими «пирамидами» виделись Форресту аттические фратрии²⁹. Упомянутые выше в связи с ними группы геннетов и оргеонов в рамках его концепции можно трактовать, грубо говоря, как знатных и незнатных, аристократов и «чернь». Геннеты (термин, естественно, происходит от γένος – «род») – это те члены фратрии, которые помнят свой род, то есть череду предков, восходящую к мифологическим героям (при переводе из легендарного плана в исторический это означает, что генеалогическая память семьи простирается до II тыс. до н.э.); а оргеоны – это простолюдины, «Иваны, родства не помнящие» (и в этом плане близкие нам: мало кто из нас сможет назвать своих предков более далекой степени, чем прадеды).

В результате в построениях Форреста аттическая фратрия – это структура вот какого характера: знатный аристократический род и объединившаяся вокруг него группа его незнатных «клиентов», простолюдинов (которых, естественно, больше). Группа поддержки, так сказать; отсюда и выражение «пирамида». Следует заметить, что уже и предшествовавшими исследованиями было констатировано: во фратрии, как правило, выделяется один знатный род³⁰.

---

²⁵ О фратриях см.: Lambert S.D. The Phratries of Attica. Ann Arbor, 1998.

²⁶ Oliver J.H. Demokratia, the Gods, and the Free World. Baltimore, 1960. P. 33.

²⁷ Forrest W.G. The Emergence of Greek Democracy: The Character of Greek Politics, 800–400 B.C. L., 1966.

²⁸ Ibid. P. 48 ff.

²⁹ Ibid. P. 52 ff.

³⁰ См., в частности, на примере одной из аттических фратрий: Wade-Gery H.T. Essays in Greek History. Oxf., 1958. P. 116–134.

Едва ли не каждый из этих родов, конкурировавших друг с другом, создавал о себе и для себя собственную мифологию, пользуясь доступными ему средствами, среди которых были, как отмечалось выше, и вербальные, и визуальные. Нельзя не отметить, что существовала такая вещь, как родовые эмблемы (в литературе их иногда называют «гербами», но это, пожалуй, будет анахронизмом), появлявшиеся, например, на щитах³¹. А ведь, в сущности, генеалогические мифы, распространявшиеся ранними историками, можно назвать родовыми эмблемами в вербальной воплощении.

Относительно некоторых родов можно с уверенностью сказать, что тот или иной из них имел своего, если так можно выразиться, «коронного автора». Как отмечалось выше, для Филаидов такую роль играл Ферекид Афинский. Наиболее известный и интересный из сохранившихся фрагментов его историко-мифографического сочинения (Pherc. FGrHist. 3.F2) представляет собой не что иное, как родословную Филаидов. Этот фрагмент приводит Маркеллин, малоизвестный позднеантичный автор (предположительно датирующийся IV в. н.э.). От него дошла только биография историка Фукидида³², весьма путаная, но содержащая некоторые интересные сведения. Фукидид, как известно, был выходцем именно из рода Филаидов; о его происхождении Маркеллин говорит следующее (Marcellin. Vita Thuc. 2–4):

«Ибо он (Фукидид – И.С.) с древности родом был близок к полководцу Мильтиаду, а через Мильтиада – к Эаку, сыну Зевса... И об этом свидетельствует Дидим³³, заявляя, что Ферекид в первой книге “Историй” говорит так: “Филей же, сын Аякса³⁴, живет в Афинах; от него же происходит Даикл³⁵; от того – Эпилик³⁶; от того – Акестор; от того –

³¹ По этому вопросу см.: *Нефёдкин А.К.* Развитие эмблематики на древнегреческих щитах // ВДИ. 2002. № 3(242). С. 116–129; *Молчанов А.А.* Родовые эмблемы древнегреческой знати (эволюция роли эмблематического элемента в системе социальной атрибутики) // Signum. 2005. Вып. 3. С. 5–20. Часто считают, что родовыми эмблемами («гербами») являлись и изображения на *Warpenmünzen* – древнейших афинских монетах (отсюда и их название, принятое в науке); но вот как раз в пользу этого достаточно убедительных данных нет (к вопросу см.: *Суриков И.Е.* Древнейшие афинские монеты (*Warpenmünzen*): проблемы интерпретации и датировки // АМА. 2006. Вып. 12. С. 43–51).

³² О ней см.: *Burns T.* On Marcellinus' Life of Thucydides // Interpretation: A Journal of Political Philosophy. 2010. Vol. 38. No. 1. P. 3–25.

³³ Дидим Александрийский знаменитейший позднеэллинистический филолог (I в. до н.э.), отличавшийся невероятной плодовитостью. Дидим имеет репутацию серьезного и ответственного ученого, так что здесь перед нами хороший опосредующий источник.

³⁴ Аякс, согласно легендарной традиции, был внуком вышеупомянутого Эака.

³⁵ Предлагалась поправка «Экл».

³⁶ В оригинале – «Эпидик», причем с *ипсилоном* в третьем слоге, что невозможно. Поэтому правомерна поправка на «Эпилик»: это имя и впоследствии было распространено в роде Филаидов.

Агенор; от того – Улий³⁷; от того – Лик; от того – Тофонт³⁸; от того – Лай; от того – Агаместор; от того – Тисандр³⁹; от того – Гиппоклид⁴⁰, в чье архонтство [в Афинах]⁴¹ были учреждены Панафинеи; [от того – Кипсел;] от того – Мильтиад⁴², населивший колонистами Херсонес⁴³. Свидетельствует об этом и Гелланик в приписываемой ему “Асопиде”.

Родословная охватывает временной отрезок в несколько столетий – от XII до VI в. до н.э., включая в себя длинный ряд имен – от мифологического персонажа Аякса Саламинского до вполне реальных афинских деятелей позднеархаического времени (Гиппоклида, Мильтиада Старшего); она была призвана связать воедино славное прошлое рода с его не менее блистательным настоящим. Безусловно, эта генеалогия в своей древнейшей части легендарна, а в части более поздней подверглась порче. Тем не менее, как нам представляется, в связи с подобными родословиями у ранних историков следует говорить не о каком-то «сочинении» или «изобретении» предков, а о переводе издревле существовавшего генеалогического жанра из устной сферы культуры в письменную. Подобного рода генеалогии заслуживают большего внимания к себе, чем им обычно выпадает на долю.

Как отмечалось⁴⁴, Ферекид Афинский оказал значительное влияние на Геродота; последний активно использовал трактат этого своего предшественника при написании тех частей «Истории», в которых говорилось об архаических Афинах. Правда, Геродот нигде не ссылается на Ферекида, но это равным счетом ничего не значит. Скажем, Фукидид не ссылается на Геродота и даже не упоминает его, в то время как совершенно точно известно, что он отлично знал геродотовский

---

³⁷ В V в. до н.э. Кимон назвал одного из своих сыновей Улием, – возможно, под влиянием генеалогических изысканий Ферекида.

³⁸ Несуществующее имя. Резонна поправка «Иофонт».

³⁹ Далее исключается грамматически неправильный пассаж «в чье архонтство в Афинах; от того – Мильтиад». Это явная ошибка переписчика.

⁴⁰ Известное лицо, архонт-эпоним 566/565 г. до н.э.

⁴¹ Слова в квадратных скобках здесь и чуть дальше – необходимые добавки издателей.

⁴² А вот здесь уже пошла путаница: этот Мильтиад (Мильтиад Старший; не следует путать его с марафонским победителем) и его отец Кипсел не имели к Гиппоклиду прямого отношения, принадлежали к другой ветви рода. Трудно допустить, что столь грубую ошибку допустил сам Ферекид: ведь речь тут идет о временах, отстоящих от него всего на какой-нибудь век. У Маркеллина это место несет явные следы порчи. Предполагаем поэтому вслед за Ф. Якоби, что текст искажен кем-то из переписчиков, а у Ферекида генеалогический список был верен.

⁴³ Херсонес Фракийский.

⁴⁴ *Ruschenbusch E. Eine schriftliche Quelle im Werk Herodots (FGrHist 3, Pherekydes von Athen) // Historische Interpretationen Gerold Walser zum 75. Geburtstag dargebracht von Freunden, Kollegen und Schülern / M. Weinmann-Walser (Hg.). Stuttgart, 1995. S. 131–149; idem. Weitere Untersuchungen zu Pherekydes von Athen (FGrHist 3) // Klio. 2000. Bd. 82. Ht. 2. S. 335–343.*

труд и даже вел с ним скрытую полемику⁴⁵. Проблема ссылок у античных историков – это, вообще говоря, предмет особого разговора, и на эту тему мы писали в другом месте⁴⁶.

Кстати, о Геродоте. Одно время получила распространение точка зрения, согласно которой «отец истории» выполнял аналогичную роль для Алкмеонидов, будучи тенденциозным «певцом» этого рода. Эта теория была модной в 1960-х и 1970-х гг., но уже в начале 1980-х было справедливо указано⁴⁷, что так называемая «апология Алкмеонидов» у Геродота (VI.121), – в сущности, вообще не апология, а скорее пародия на такие апологии, полная иронии, едва ли не сарказма.

Так, Геродот говорит о благородном происхождении Алкмеонидов – а сразу после этого добавляет смешную (и, конечно, выдуманную⁴⁸) историю о том, как Алкмеон разбогател, посетив двор Креза и поведя себя там отнюдь не самым благородным образом: сравнение рассказа о Крезе и Алкмеоне с рассказами о Крезе и Солоне (Hdt. I.29 sqq.), о Крезе и Мильтиаде (VI.37) – не в пользу представителя рода Алкмеонидов. Геродот называет Алкмеонидов главными противниками тиранов (μισοτύραννοι) в Афинах – и тут же приводит очередную смешную историю, о том, как сын Алкмеона Мегакл сватался к дочери сикионского тирана Клисфена и получил ее руку. Противоречия совершенно очевидны; они никак не могли укрыться ни от автора, ни от читателей.

И уж во всяком случае данный пассаж не является панегириком, не содержит никакой сознательно проводимой тенденциозности в пользу упомянутого рода⁴⁹. Недавно была предпринята попытка частично возродить взгляд на Геродота как на «про-алкмеонидовского» автора, но и она, на наш взгляд, не оказалась удачной⁵⁰. В действительности у галикарнасца прослеживается гораздо более симпатий к

---

⁴⁵ Суриков И.Е. Очерки об историописании... С. 161–178.

⁴⁶ Он же. Присутствовала ли библиография в трудах древнегреческих историков? // Роль библиографии в информационном обеспечении исторической науки / Е.А. Воронцова (ред.). М., 2018. С. 690–700.

⁴⁷ Hart J. Herodotus and Greek History. L., 1982. P. 12–13.

⁴⁸ Когда Крез вступил на престол в 560 г. до н.э., Алкмеона уже не было в живых. Недавно было высказано мнение, согласно которому Крез начал править уже в 580-х гг. до н.э. (Wallace R.W. Redating Croesus: Herodotean Chronologies, and the Dates of the Earliest Coinages // JHS. 2016. Vol. 136. P. 168–181), но аргументация автора совершенно не представляется убедительной.

⁴⁹ Develin R. Herodotus and the Alkmeonids // The Craft of the Ancient Historian / J.W. Eadie, J. Ober (eds.). Lanham, 1985. P. 125–139.

⁵⁰ Samons L.J. Herodotus on the Kimonids: Peisistratid Allies in Sixth-Century Athens // Historia. 2017. Bd. 66. Ht. 1. S. 21–44. Нашу критику см.: Суриков И.Е. Геродот, Филаиды и Алкмеониды (несколько слов о старой теме в связи с ее нынешним состоянием) // Метаморфозы истории. 2017. Вып. 10. С. 9–34.

тем же Филаидам⁵¹. Однако его нельзя назвать генеалогом и этого рода. Во-первых, таковым был, как указывалось выше, Ферекид; во-вторых, Геродота вообще не очень интересовали вопросы генеалогии.

Зато ими очень активно занимался на протяжении всей своей девяностолетней жизни его старший современник Гелланик, с которым Геродот, несомненно, был лично знаком; как-то они даже вместе побывали при македонском дворе (Suid. s.v. Ἑλλάνικος)⁵². Гелланика из всех афинских аристократических родов наиболее интересовали Кодриды⁵³. Их родословную находим в одном из его фрагментов (Hellan. FGrHist. 4.F125): «Кодр происходил от Девкалиона, как говорит Гелланик. Ибо от Девкалиона и Пирры, а по мнению некоторых – от Зевса и Пирры, рождается Эллин; а от Эллина и Офрейды – Ксуф, Эол, Дор, Ксенопатра; а от Эола и Ифиды, дочери Пенея, – Салмоней; а от Салмоней и Алкидики – Тиро; от нее и Посейдона – Нелей; а от Нелея и Хлориды – Периклимен; а от Периклимена и Писидики – Бор; а от Бора и Лисидики – Пенфил; а от Пенфила и Анхиррой – Андропомп; а от Андропомпа и Гениохи, дочери Гармения, сына Зевксиппа, сына Евмела, сына Адмета, – Меланф. Он, когда пришли Гераклиды, отступил из Мессены в Афины, и рождается у него сын Кодр». Далее следуют две известных новеллы – о том, как Меланф получил царский престол в Афинах, и о том, как Кодр пожертвовал своей жизнью за отечество.

Ф. Якоби вначале относил фрагмент к трактату Гелланика «Девкалиония», но потом с полным основанием перенес его в «Аттиду». Именно в сочинении по истории Аттики подобные сведения были в высшей степени уместны. Они могли быть наиболее интересны афинской знати, прежде всего потомкам самих Кодридов (а среди них как раз тогда, когда писал Гелланик, были, между прочим, такие люди, как Критий и Платон).

---

⁵¹ Суриков И.Е. Очерки об историописании... С. 362–395: *Surikov I.E. Herodotus and the Philaids // Ruthenia Classica Aetatis Novae: A Collection of Works by Russian Scholars in Ancient Greek and Roman History / A. Mehl, A.V. Makhlayuk, O.L. Gabelko (eds.). Stuttgart, 2013. P. 45–70.*

⁵² К датировке этого визита см.: *Vasilev M.I. The Date of Herodotus' Visit to Macedonia // Ancient West and East. 2016. Vol. 15. P. 31–51.*

⁵³ О Кодридах см. теперь *Bohen B. Kratos & Krater: Reconstructing an Athenian Protohistory. Oxf., 2017.* Впрочем, в монографии Б. Бозн присутствует чрезмерно смелая попытка идентифицировать захоронения конкретных представителей этого рода на некрополе афинского Керамика. Исследовательница апеллирует при этом к нашим выкладкам: *Surikov I.E. The Evolution of the Athenian Archonship as an Institution of Public Law // Diritto @ Storia. 2006. Vol. 5 (<http://www.dirittoestoria.it/5/Memorie/Surikov-Athenian-archonship-public-law.htm>); это тезисный вариант работы, которая в полном виде была опубликована по-русски (Суриков И.Е. Архонтат в Афинах: от истоков института до утраты им политического значения // ВДИ. 2012. № 2 (281). С. 29–54), но с русскоязычной статьей Бозн не смогла ознакомиться в силу языкового барьера. В любом случае, если она и идет по пути, проложенному нами, то идет по нему значительно дальше нас и дальше, чем позволяет элементарная научная осторожность.*

Род Кодридов (Медонтидов), как известно, с определенного момента стал последней династией афинских царей. Список правителей из этой династии (от Медонта, сына Кодра, до Алкмеона, сына Эсхила) находим у эллинистического историка Кастора Родосского (Cast. 250. FGrHist.F4)⁵⁴. Поскольку до середины VIII в. до н.э. власть у них передавалась строго от отца к сыну, фактически данный перечень тоже имеет генеалогический характер и является как бы продолжением той родословной, которую мы встретили в цитированном выше фрагменте Гелланика. Нам представляется значительной вероятностью того, что именно у последнего Кастор взял соответствующие данные (хотя безоговорочно доказать это, конечно, невозможно).

Итак, если Ферекид был выше охарактеризован как автор, близкий к Филаидам и во многом работавший по их заказам, то теперь мы видим, что Гелланик занимал схожее положение по отношению к Кодридам. Можно полагать, что и другие ведущие аристократические роды Аттики (такие, как Керики, Этеобуталы, Евмолпиды, Бузиги и др.) тоже имели своих историков-генеалогов, но детализировать этот тезис нельзя, поскольку об этих родах мы и в принципе знаем несравненно меньше, чем о вышеназванных.

Остановимся, подходя к концу работы, еще на роде Писистратидов. Этот род на протяжении части VI в. до н.э. являлся в Афинах династией тиранов, но существовал, естественно, задолго до того и гордился вящей знатностью (здесь следует напомнить, что тираны у эллинов архаической эпохи почти все без исключения являлись аристократами и сам феномен Старшей тирании должен рассматриваться в контексте истории греческой аристократии⁵⁵). У Писистратидов имелась собственная генеалогическая мифология⁵⁶, отразившаяся в ряде литературных памятников (например: Hdt. V.65; Pausan. II.18.8–9) и возводившая род к Нестору, знаменитому царю Пилоса и одному

---

⁵⁴ В связи с проблемами достоверности имен из этого списка см.: Суриков И.Е. Античная Греция: Политогенез, политические и правовые институты (Opuscula selecta II). М., 2018. С. 107–130, 243–275.

⁵⁵ В важной книге об архаической тирании (McGlew J.F. Tyranny and Political Culture in Ancient Greece. Ithaca, 1996) сделано, правда, наблюдение, что часто тираном становился аристократ, ущемленный в том или ином отношении и именно поэтому начинавший борьбу за повышение своего статуса. Этот тезис интересен сам по себе, но абсолютной силы он не имеет. В связи с феноменом тирании см. также заставляющие задуматься соображения, высказанные в совсем недавней работе: Соломатина Е.И. Обозначение единоличных правителей в архаической Греции в письменных источниках // АМА. 2019. Вып. 19. С. 19–35.

⁵⁶ См. ее анализ: Молчанов А.А., Суриков И.Е. Писистратиды – потомки отказавших в гостеприимстве (Актуализация династического мифа) // Закон и обычай гостеприимства в античном мире / Е.С. Голубцова (ред.). М., 1999. С. 122–130.

из ключевых персонажей «Илиады»⁵⁷, через его сына Писистрата (появляющегося в «Одиссее»).

К сожалению, в текстах, сообщающих о родословной Писистратидов, не дается указания на первоисточник – на того конкретного генеалога, который эту родословную составил. Впрочем, из других данных известно, что «коронным автором» Писистратидов был известный орфик Ономакрит (Hdt. VII.6). Видимо, именно о нем и нужно говорить в данной связи.

В случае с самым знаменитым представителем рода – первым афинским тираном Писистратом – часто упоминается в литературе весьма колоритный эпизод его биографии: въезд его в город на колеснице в сопровождении рослой и статной девицы, одетой в воинский доспех и изображавшей богиню Афину⁵⁸. В данном случае, несомненно, воспроизводилась какая-то мифологическая парадигма, но кто именно из героев мифов послужил Писистрату «прототипом»? Ю.В. Андреев почему-то считал, что Диомед⁵⁹. Нам ход его мысли, признаться, не вполне понятен. Неизвестно о какой-либо связи Писистратидов с фигурой Диомеда. Гораздо более убедительно мнение Дж. Бордмэна, согласно которому следует говорить о «подражании» Писистрата Гераклу⁶⁰. Этот исследователь отмечает характерный факт: в эти же годы сюжет «Афина и Геракл на колеснице» становится популярным и в аттической вазописи (очередное свидетельство патронажа аристократов над художниками). Правда, в легендарной традиции Геракл в целом враждебен Нелеидам и даже убивает их во главе с Нелеем (Apollod. I.9.9); однако Нестор, прямой предок Писистрата, изображается как единственный из сыновей Нелея, который не пострадал от Геракловых рук.

Итак, повторим и подчеркнем, ранние историки (если не все, то многие) имели, как и вазописцы, патронов из числа представителей знатных родов и, работая на поприще генеалогической мифографии, в ряде отношений обслуживали интересы этих родов.

---

⁵⁷ Об образе Нестора в эпосе см. *Dickson K. Nestor: Poetic Memory in Greek Epic*. N.Y.; L., 1995.

⁵⁸ Этот трюк наиболее подробно описывает Геродот (Hdt. I.60), а все остальные авторы (Clidem. FGrHist.323. F15; Arist. Ath. pol. 14.3; Polyæn. I.21.1; Athen. XIII.609c) опираются именно на его рассказ. Стратегема Писистрата хорошо вписана в общекультурную традицию греков в работе: *Connor W.R. Tribes, Festivals and Processions: Civic Ceremonial and Political Manipulation in Archaic Greece* // JHS. 1987. Vol. 107. P. 40–50.

⁵⁹ *Андреев Ю.В. Тираны и герои. Историческая стилизация в политической практике старшей тирании* // ВДИ. 1999. № 1 (228). С. 4.

⁶⁰ См. его работы, указанные в прим. 17. Выводы Бордмэна критиковались в литературе (напр.: *Brandt H. Herakles und Peisistratos, oder: Mythos und Geschichte. Anmerkungen zur Interpretation vorklassischer Vasenbilder* // *Chiron*. 1997. Bd. 27. S. 316–334), но не очень убедительно.

Литература

- Андреев Ю.В. Тираны и герои. Историческая стилизация в политической практике старшей тирании // ВДИ. 1999. № 1(228). С. 3–7.
- Андреев Ю.В. Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI–VIII вв. до н.э. СПб., 2004.
- Видаль-Накэ П. Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001.
- Гиндин Л.А., Цымбурский В.А. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М, 1996.
- Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу (Становление греческой философии). М., 1972.
- Молчанов А.А. Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н.э. (проблемы источниковедения минойстики и микенологии). М, 2000.
- Молчанов А.А. Родовые эмблемы древнегреческой знати (эволюция роли эмблематического элемента в системе социальной атрибутики) // Signum. 2005. № 3. С. 5–20.
- Молчанов А.А., Суриков И.Е. Писистратиды – потомки отказавших в гостеприимстве (Актуализация династического мифа) // Закон и обычай гостеприимства в античном мире / Е.С. Голубцова (ред.). М., 1999. С. 122–130.
- Нефёдкин А.К. Развитие эмблематики на древнегреческих щитах // ВДИ. 2002. № 3 (242). С. 116–129.
- Соломатина Е.И. Обозначение единоличных правителей архаической Греции в письменных источниках // АМА. 2019. Вып. 19. С. 19–35.
- Суриков И.Е. Древнейшие афинские монеты (Warrenmünzen): проблемы интерпретации и датировки // АМА. 2006. № 12. С. 43–51.
- Суриков И.Е. Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011.
- Суриков И.Е. Архонтат в Афинах: от истоков института до утраты им политического значения // ВДИ. 2012. № 2 (281). С. 29–54.
- Суриков И.Е. Геродот, Филаиды и Алкмеониды (несколько слов о старой теме в связи с ее нынешним состоянием) // Метаморфозы истории. 2017. № 10. С. 9–34.
- Суриков И.Е. Античная Греция: Политогенез, политические и правовые институты (Opuscula selecta II). М., 2018.
- Суриков И.Е. Присутствовала ли библиография в трудах древнегреческих историков? // Роль библиографии в информационном обеспечении исторической науки / Е.А. Воронцова (ред.). М., 2018. С. 690–700.
- Суриков И.Е. Семья и род как феномены культуры в античности: древнегреческие ΟΙΚΟΣ и ΓΕΝΟΣ в сравнении с римскими FAMILIA и GENS // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 7(40). С. 126–140.
- Суриков И.Е. Ферекид Афинский – представитель «догеродотовского» этапа античного греческого историописания // Аристей. 2019. № 20. С. 114–142.
- Суриков И.Е. Сочинение Ферекида Афинского в контексте раннеклассического греческого историописания // ВДИ. 2020. № 3(80). С. 609–632.
- Alganza Roldán M. Hecateo de Mileto, “historiador” y “mitógrafo” // Florentia iliberritana. 2012. No. 23. P. 23–44.
- Armayer O.K. Herodotus, Hecataeus and the Persian Wars // The World of Herodotus / V. Karageorghis, I. Taifacos (eds.). Nicosia, 2004. P. 321–335.
- Bertelli L. Hecataeus: From Genealogy to Historiography // The Historian’s Craft in the Age of Herodotus / N. Luraghi (ed.). Oxf., 2007. P. 67–94.
- Boardman J. Herakles, Peisistratos, and Sons // Revue archéologique. 1972. No. 1. P. 57–72.
- Boardman J. Herakles, Peisistratos, and Eleusis // JHS. 1975. Vol. 95. P. 1–12.

- Boardman J.* Herakles, Peisistratos, and the Unconvinced // *JHS*. 1989. Vol. 109. P. 158–159.
- Bohen B.* *Kratos & Krater: Reconstructing an Athenian Protohistory*. Oxf., 2017.
- Bourriot F.* *Recherches sur la nature du genos: Étude d'histoire sociale athénienne. Periodes archaïque et classique*. Lille; P., 1976.
- Brandt H.* Herakles und Peisistratos, oder: Mythos und Geschichte. Anmerkungen zur Interpretation vorklassischer Vasenbilder // *Chiron*. 1997. Bd. 27. P. 316–334.
- Braun T.* Hecataeus' Knowledge of the Western Mediterranean // *Greek Identity in the Western Mediterranean: Studies in Honour of B. Shefton / K. Lomas (ed.)*. Leiden; Boston, 2004. P. 287–347.
- Bridgman T.P.* *Hyperboreans: Myth and History in Celtic-Hellenic Contacts*. N.Y.; L., 2005.
- Burns T.* On Marcellinus' Life of Thucydides // *Interpretation: A Journal of Political Philosophy*. 2010. Vol. 38(1). P. 3–25.
- Calame C.* *Thésée et l'imaginaire athénien: Légende et culte en Grèce antique*. Lausanne, 1990.
- Classen A.* The *Nibelungenlied* – Myth and History: A Middle High German Epic Poem at the Crossroads of Past and Present, Despair and Hope // *Epic and History / D. Konstan, K.A. Raaflaub (eds.)*. Oxf., 2010. P. 262–279.
- Connor W.R.* Tribes, Festivals and Processions: Civic Ceremonial and Political Manipulation in Archaic Greece // *JHS*. 1987. Vol. 107. P. 40–50.
- Crowther C.* The Dionysia at Iasos: Its Artists, Patrons, and Audience // *The Greek Theatre and Festivals: Documentary Studies / P. Wilson (ed.)*. Oxf., 2007. P. 294–334.
- Davies J.K.* Athenian Propertied Families 600–300 B.C. Oxf., 1971.
- Develin R.* Herodotos and the Alkmeonids // *The Craft of the Ancient Historian / J.W. Eadie, J. Ober (eds.)*. Lanham, 1985. P. 125–139.
- Dickson K.* Nestor: Poetic Memory in Greek Epic. N.Y.; L., 1995.
- Duplouy A.* Le prestige des élites: Recherches sur les modes de reconnaissance sociale en Grèce entre les Xe et Ve siècles avant J.-C. P., 2006.
- Ellis A.* A Socratic History: Theology in Xenophon's Rewriting of Herodotus' Croesus Logos // *JHS*. 2016. Vol. 136. P. 73–91.
- Finley M.I.* *The World of Odysseus*. N.Y., 1965.
- Forrest W.G.* *The Emergence of Greek Democracy: The Character of Greek Politics, 800–400 B.C.* L., 1966.
- Fowler R.L.* *Early Greek Mythography. II. Commentary*. Oxf., 2013.
- Frost F.J.* Faith, Authority, and History in Early Athens // *Religion and Power in the Ancient Greek World / P. Hellström, B. Alroth (eds.)*. Uppsala, 1996. P. 83–89.
- Hansen M.H.* Hekataios' Use of the Word *Polis* in his *Periegesis* // *Yet More Studies in the Ancient Greek Polis / T.H. Nielsen (ed.)*. Stuttgart, 1997. P. 17–27.
- Hart J.* *Herodotus and Greek History*. L., 1982.
- The Hesiodic Catalogue of Women: Constructions and Reconstructions / R. Hunter (ed.)* Cambr., 2005.
- Lambert S.D.* *The Phratries of Attica*. Ann Arbor, 1998.
- Littman R.J.* *Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C.* N.Y., 1990.
- McGlew J.F.* *Tyranny and Political Culture in Ancient Greece*. Ithaca, 1996.
- Mills S.J.V.* Theseus, Tragedy and the Athenian Empire. Oxf., 1997.
- Mills S.J.V.* The Lydian *Logos* of Herodotus 1. 50–2 // *G&R*. 2014. Vol. 61(2). P. 147–151.
- Möller A.* The Beginnings of Chronography: Hellenicus' *Hiereiai* // *The Historian's Craft in the Age of Herodotus / N. Luraghi (ed.)*. Oxf., 2007. P. 241–262.

- Nestle W.* Vom Mythos zum Logos: Die Selbstenfaltung des griechischen Denkens von Homer bis auf die Sophistik und Sokrates. Aalen, 1966.
- Nilsson M.P.* Cults, Myths, Oracles, and Politics in Ancient Greece. Lund, 1951.
- Oliver J.H.* Demokratia, the Gods, and the Free World. Baltimore, 1960.
- Pearson L.* Early Ionian Historians. Westport, 1975.
- Prakken D.W.* Studies in Greek Genealogical Chronology. Lancaster, 1943.
- Pretzler M.* Myth and History at Tegea – Local Tradition and Community Identity // Defining Ancient Arkadia: Symposium, April, 1–4, 1998 / T.H. Nielsen, J. Roy (eds.). Copenhagen, 1999. P. 89–129.
- Roussel D.* Tribu et cité. Études sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique. P., 1976.
- Ruschenbusch E.* Eine schriftliche Quelle im Werk Herodots (FGrHist 3, Pherekydes von Athen) // Historische Interpretationen Gerold Walser zum 75. Geburtstag dargebracht von Freunden, Kollegen und Schülern / M. Weinmann-Walser (Hg.). Stuttgart, 1995. S. 131–149.
- Ruschenbusch E.* Weitere Untersuchungen zu Pherekydes von Athen (FGrHist 3) // Klio. 2000. Bd. 82/2. S. 335–343.
- Saïd S.* Myth and Historiography // A Companion to Greek and Roman Historiography / J. Marincola (ed.). Oxf., 2007. Vol. 1. P. 76–88.
- Samons L.J.* Herodotus on the Kimonids: Peisistratid Allies in Sixth-Century Athens // Historia. 2017. Bd. 66/1. P. 21–44.
- Starr C.G.* The Origins of Greek Civilization 1100–650 B.C. L., 1962.
- Surikov I.E.* The Evolution of the Athenian Archonship as an Institution of Public Law // Diritto@storia. 2006. No. 5 (<http://www.dirittoestoria.it/5/Memorie/Surikov-Athenian-archonship-public-law.htm>).
- Surikov I.E.* Herodotus and the Philaids // Ruthenia Classica Aetatis Novae: A Collection of Works by Russian Scholars in Ancient Greek and Roman History / A. Mehl, A.V. Makhlayuk, O.L. Gabelko (eds.), Stuttgart, 2013. P. 45–70.
- Vasilev M.I.* The Date of Herodotus' Visit to Macedonia // Ancient West and East. 2016. No. 15. P. 31–51.
- Wade-Gery H.T.* Essays in Greek History. Oxf., 1958.
- Walker H.J.* Theseus and Athens. Oxf., 1995.
- Wallace R.W.* Redating Croesus: Herodotean Chronologies, and the Dates of the Earliest Coinages // JHS. 2016. Vol. 136. P. 168–181.
- West S.* Herodotus' Portrait of Hecataeus // JHS. 1991. Vol. 111. P. 144–160.
- Xanthou M.G.* Χρυσός, χρόνος, and κλέος: Objects of Gold, Cognition, Ambiguity, and Authority in Herodotus' Lydian *Logos* // Herodotus – Narrator, Scientist, Historian / E. Bowie (ed.). Berlin; Boston, 2018. P. 243–264.
- Zali V.* Herodotus Mapping out his Genre: The Interaction of Myth and Geography in the Libyan Logos // Herodotus – Narrator, Scientist, Historian / E. Bowie (ed.). Berlin; Boston, 2018. P. 125–138.

References

- Alganza Roldán M.* Hecateo de Mileto, “historiador” y “mitógrafo” // Florentia iliberritana. 2012. No. 23. P. 23–44.
- Andreev Yu.V.* Tirany i geroi. Istoricheskaya stilizatsiya v politicheskoy praktike starshey tiranii. Vestnik drevney istorii. 1999. No. 1(228). P. 3–7.
- Andreev Yu.V.* Gomerovskoe obshchestvo: Osnovnye tendentsii sotsial'no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya Gretsii XI–VIII vv. do n.e. St. Petersburg, 2004.
- Armayer O.K.* Herodotus, Hecataeus and the Persian Wars // The World of Herodotus / V. Karageorghis, I. Taifacos (eds.). Nicosia, 2004. P. 321–335.

- Bertelli L.* Hecataeus: From Genealogy to Historiography // The Historian's Craft in the Age of Herodotus / N. Luraghi (ed.). Oxf., 2007. P. 67–94.
- Boardman J.* Herakles, Peisistratos, and Sons // *Revue archéologique*. 1972. No. 1. P. 57–72.
- Boardman J.* Herakles, Peisistratos, and Eleusis // *JHS*. 1975. Vol. 95. P. 1–12.
- Boardman J.* Herakles, Peisistratos, and the Unconvinced // *JHS*. 1989. Vol. 109. P. 158–159.
- Bohen B.* Kratos & Krater: Reconstructing an Athenian Protohistory. Oxf., 2017.
- Bourriot F.* Recherches sur la nature du genos: Étude d'histoire sociale athénienne. Periodes archaïque et classique. Lille; P., 1976.
- Brandt H.* Herakles und Peisistratos, oder: Mythos und Geschichte. Anmerkungen zur Interpretation vorklassischer Vasenbilder // *Chiron*. 1997. Bd. 27. P. 316–334.
- Braun T.* Hecataeus' Knowledge of the Western Mediterranean // Greek Identity in the Western Mediterranean: Studies in Honour of B. Shefton / K. Lomas (ed.). Leiden; Boston, 2004. P. 287–347.
- Bridgman T.P.* Hyperboreans: Myth and History in Celtic-Hellenic Contacts. N.Y.; L., 2005.
- Burns T.* On Marcellinus' Life of Thucydides // *Interpretation: A Journal of Political Philosophy*. 2010. Vol. 38(1). P. 3–25.
- Calame C.* Thésée et l'imaginaire athénien: Légende et culte en Grèce antique. Lausanne, 1990.
- Classen A.* The *Nibelungenlied* – Myth and History: A Middle High German Epic Poem at the Crossroads of Past and Present, Despair and Hope // *Epic and History* / D. Konstan, K.A. Raaflaub (eds.). Oxf., 2010. P. 262–279.
- Connor W.R.* Tribes, Festivals and Processions: Civic Ceremonial and Political Manipulation in Archaic Greece // *JHS*. 1987. Vol. 107. P. 40–50.
- Crowther C.* The Dionysia at Iasos: Its Artists, Patrons, and Audience // *The Greek Theatre and Festivals: Documentary Studies* / P. Wilson (ed.). Oxf., 2007. P. 294–334.
- Davies J.K.* Athenian Propertied Families 600–300 B.C. Oxf., 1971.
- Develin R.* Herodotos and the Alkmeonids // *The Craft of the Ancient Historian* / J.W. Eadie, J. Ober (eds.). Lanham, 1985. P. 125–139.
- Dickson K.* Nestor: Poetic Memory in Greek Epic. N.Y.; L., 1995.
- Duplouy A.* Le prestige des élites: Recherches sur les modes de reconnaissance sociale en Grèce entre les Xe et Ve siècles avant J.-C. P., 2006.
- Ellis A.* A Socratic History: Theology in Xenophon's Rewriting of Herodotus' Croesus Logos // *JHS*. 2016. Vol. 136. P. 73–91.
- Finley M.I.* The World of Odysseus. N.Y., 1965.
- Forrest W.G.* The Emergence of Greek Democracy: The Character of Greek Politics, 800–400 B.C. L., 1966.
- Fowler R.L.* Early Greek Mythography. II. Commentary. Oxf., 2013.
- Frost F.J.* Faith, Authority, and History in Early Athens // *Religion and Power in the Ancient Greek World* / P. Hellström, B. Alroth (eds.). Uppsala, 1996. P. 83–89.
- Gindin L.A., Tsymburskiy V.L.* Gomer i istoriya Vostochnogo Sredizemnomor'ya. Moscow, 1996.
- Hansen M.H.* Hekataios' Use of the Word *Polis* in his *Periegesis* // *Yet More Studies in the Ancient Greek Polis* / T.H. Nielsen (ed.). Stuttgart, 1997. P. 17–27.
- Hart J.* Herodotus and Greek History. L., 1982.
- Kessidi F.Kh.* Ot mifa k logosu (Stanovlenie grecheskoy filosofii). Moscow, 1972.
- Lambert S.D.* The Phratries of Attica. Ann Arbor, 1998.
- Littman R.J.* Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C. N.Y., 1990.

- McGlew J.F. Tyranny and Political Culture in Ancient Greece. Ithaca, 1996.
- Mills S.J.V. The Lydian *Logos* of Herodotus 1. 50–2 // G&R. 2014. Vol. 61(2). P. 147–151.
- Mills S.J.V. Theseus, Tragedy and the Athenian Empire. Oxf., 1997.
- Molchanov A.A. Sotsial'nye struktury i obshchestvennye otnosheniya v Gretsii II tisyacheletiya do n.e. (problemy istochnikovedeniya minoistiki i mikenologii). Moscow, 2000.
- Molchanov A.A. Rodovye emblemy drevnegrecheskoy znati (evolutsiya roli emblematiceskogo elementa v sisteme sotsial'noy atributiki) // Signum. 2005. No. 3. P. 5–20.
- Molchanov A.A., Surikov I.E. Pisistratidy – potomki otkazavshikh v gostepriimstve (Aktualizatsiya dinasticheskogo mifa) // Zakon i obychay gostepriimstva v antichnom / E.S. Golubtsova (ed.). Moscow, 1999. P. 122–130.
- Möller A. The Beginnings of Chronography: Hellanicus' *Hiereiai* // The Historian's Craft in the Age of Herodotus / N. Luraghi (ed.). Oxf., 2007. P. 241–262.
- Nefyedkin A.K. Razvitie emblemاتيki na drevnegrecheskikh shchitakh // Vestnik drevney istorii. 2002. No. 3 (242). P. 116–129.
- Nestle W. Vom Mythos zum Logos: Die Selbstenfaltung des griechischen Denkens von Homer bis auf die Sophistik und Sokrates. Aalen, 1966.
- Nilsson M.P. Cults, Myths, Oracles, and Politics in Ancient Greece. Lund, 1951.
- Oliver J.H. Demokratia, the Gods, and the Free World. Baltimore, 1960.
- Pearson L. Early Ionian Historians. Westport, 1975.
- Prakken D.W. Studies in Greek Genealogical Chronology. Lancaster, 1943.
- Pretzler M. Myth and History at Tegea – Local Tradition and Community Identity // Defining Ancient Arkadia: Symposium, April, 1–4, 1998 / T.H. Nielsen, J. Roy (eds.). Copenhagen, 1999. P. 89–129.
- Roussel D. Tribu et cité. Études sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique. P., 1976.
- Ruschenbusch E. Eine schriftliche Quelle im Werk Herodots (*FGrHist* 3, Pherekydes von Athen) // Historische Interpretationen Gerold Walser zum 75. Geburtstag dargebracht von Freunden, Kollegen und Schülern / M. Weinmann-Walser (Hg.). Stuttgart, 1995. S. 131–149.
- Ruschenbusch E. Weitere Untersuchungen zu Pherekydes von Athen (*FGrHist* 3) // *Klio*. 2000. Bd. 82/2. S. 335–343.
- Saïd S. Myth and Historiography // A Companion to Greek and Roman Historiography / J. Marincola (ed.). Oxf., 2007. Vol. 1. P. 76–88.
- Samons L.J. Herodotus on the Kimonids: Peisistratid Allies in Sixth-Century Athens // *Historia*. 2017. Bd. 66/1. P. 21–44.
- Solomatina E.I. Oboznachenie edinolichnykh praviteley arkhaischeskoy Gretsii v pis'mennykh istochnikakh // Antichnyy mir i archeologiya. 2019. No. 19. P. 19–35.
- Starr C.G. The Origins of Greek Civilization 1100–650 B.C. L., 1962.
- Surikov I.E. Drevneyshie afinskie monety (Wappenmünzen): problemy interpretatsii i datirovki // Antichnyy mir i arkheologiya. 2006. No. 12. P. 43–51.
- Surikov I.E. The Evolution of the Athenian Archonship as an Institution of Public Law // *Diritto@storia*. 2006. No. 5 (<http://www.dirittoestoria.it/5/Memorie/Surikov-Athenian-archonship-public-law.htm>).
- Surikov I.E. Ocherki ob istoriopisanii v klassicheskoy Gretsii. Moscow, 2011.
- Surikov I.E. Arkhontat v Afinakh: ot istokov institute do utraty im politicheskogo znacheniya // Vestnik drevney istorii. 2012. No. 2 (281). P. 29–54.
- Surikov I.E. Herodotus and the Philaids // *Ruthenia Classica Aetatis Novae: A Collection of Works by Russian Scholars in Ancient Greek and Roman History* / A. Mehl, A.V. Makhlayuk, O.L. Gabelko (eds.), Stuttgart, 2013. P. 45–70.

- Surikov I.E.* Gerodot, Filaidy i Alkmeonidy (neskol'ko slov o staroy teme v svyazi s ee nyneshnim sostoyaniem) // *Metamorfozy istorii*. 2017. No. 10. P. 9–34.
- Surikov I.E.* Antichnaya Gretsya: Politogenez, politicheskie i pravovye instituty (Opuscula selecta II). Moscow, 2018.
- Surikov I.E.* Pristutstvovala li bibliografiya v trudakh drevnegrecheskikh istorikov? // Rol' bibliografii v informatsionnom obespechenii istoricheskoy nauki / E.A. Vorontsova (ed.). Moscow, 2018. P. 690–700.
- Surikov I.E.* Sem'ya i rod kak fenomeny kul'tury v antichnosti: drevnegrecheskie ΟΙΚΟΣ i ΓΕΝΟΣ v sravnenii s rimskimi FAMILIA i GENS // *Vestnik RGGU. Seriya "Istoriya. Filologiya. Kulturologiya. Vostokovedenie"*. 2018. No. 7(40). P. 126–140.
- Surikov I.E.* Ferekid Afinskiy – predstavitel' "dogerodotovskogo" etapa antichnogo grecheskogo istoriopisaniya // *Aristey*. 2019. No. 20. P. 114–142.
- Surikov I.E.* Sochinenie Ferekida Afinskogo v kontekste ranneklassicheskogo grecheskogo istoriopisaniya // *Vestnik drevney istorii*. 2020. No. 3(80). P. 609–632.
- The Hesiodic Catalogue of Women: Constructions and Reconstructions / R. Hunter (ed.).* Cambr., 2005.
- Vasilev M.I.* The Date of Herodotus' Visit to Macedonia // *Ancient West and East*. 2016. No. 15. P. 31–51.
- Vidal'-Nake P.* Chernyy okhotnik: Formy myshleniya i formy obshchestva v grecheskom mire. Moscow, 2001.
- Wade-Gery H.T.* *Essays in Greek History*. Oxf., 1958.
- Walker H.J.* *Theseus and Athens*. Oxf., 1995.
- Wallace R.W.* Redating Croesus: Herodotean Chronologies, and the Dates of the Earliest Coinages // *JHS*. 2016. Vol. 136. P. 168–181.
- West S.* Herodotus' Portrait of Hecataeus // *JHS*. 1991. Vol. 111. P. 144–160.
- Xanthou M.G.* Χρυσός, χρόνος, and κλέος: Objects of Gold, Cognition, Ambiguity, and Authority in Herodotus' Lydian *Logos* // *Herodotus – Narrator, Scientist, Historian / E. Bowie (ed.)*. Berlin; Boston, 2018. P. 243–264.
- Zali V.* Herodotus Mapping out his Genre: The Interaction of Myth and Geography in the Libyan *Logos* // *Herodotus – Narrator, Scientist, Historian / E. Bowie (ed.)*. Berlin; Boston, 2018. P. 125–138.

Поступила в редакцию / Received 21.12.2020.

Принята к публикации / Accepted 10.04.2021.

Опубликована / Published 25.12.2021.